

Образ «Великой Руси» и русских в сочинении рыцаря Гильбера де Ланноа

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Image of “Great Russia” and the Russians in the Work of Knight Guillebert de Lannoy

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается образ двух средневековых русских городов (Великого Новгорода и Пскова) в сочинении французского рыцаря Гильбера де Ланноа, который посетил их в начале XV в. Интерес к теме обусловлен необходимостью дальнейшей разработки имагологических проблем французской России, которая в целом еще недостаточно изучена (с точки зрения имагологии), а также отсутствием единства в оценках сочинения де Ланноа в контексте его представления о русских в современной историографии вопроса. Показаны особенности и основные мотивы восприятия русских в этом сочинении. Делается вывод о том, что образ русских у Ланноа заметно отличается от образа русских в более поздних источниках: у него отсутствуют такие традиционные стереотипы, как пьянство, невежество и тирания. Это объясняется тем, что рыцарь имел дело с еще свободными русскими городами, не поглощенными Московским государством. Несмотря на большую роль религиозного сознания, де Ланноа сумел его во многом преодолеть и создал в своем сочинении в целом достаточно лояльный и очаровательный образ «Великой Руси» (как он ее зачастую именуется).

Ключевые слова: национальный образ, историческая имагология, франко-русские связи, Гильбер де Ланноа.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-29

Французская Россия исследована еще не так широко, как например, английская. Особенно ощущается недостаток изучения французских сочинений о старой допетровской России с точки зрения популярного в современной науке имагологического направления (связанного с изучением восприятия, образов стран и народов в литературной традиции): таких работ совсем немного (см.: [1, с. 85, прим. 4–11]). Между тем первое сочинение о русских землях на французском языке было написано раньше, чем на других европейских

The article examines the image of two medieval Russian cities (Novgorod and Pskov) in the work of the French knight Guillebert de Lannoy who visited them at the beginning of the 15th century. Interest in the subject is due to the need for further development of the imagological problems of French Russia which has not yet been fully studied (from the point of view of imagology), as well as to the lack of unity in the assessments of de Lannoy's work in the context of his perception of the Russians in modern historiography.

The article shows the features and main motives for the perception of the Russians in this work. The conclusion is drawn that the image of the Russians in Lannoy differs markedly from that of the Russians in later sources: he lacks such traditional stereotypes as drunkenness, ignorance and tyranny. This is because the knight was dealing with free Russian cities that were not absorbed by the Moscow State. Despite the great role of religious consciousness, de Lannoy managed to overcome it in many ways and created in his work a fairly loyal and charming image of “Great Russia” (as he often calls it).

Key words: National images, historical imagology, Franco-Russian relations, Guillebert de Lannoy.

языках. Мы имеем в виду путевой дневник фламандского рыцаря Гильбера де Ланноа (во французской традиции правильнее — Жильбера де Ланнуа), посетившего в 1413 г. Великий Новгород и Псков, — весьма любопытный источник для образоведения и истории формирования французского образа русских.

Представления о допетровской России во Франции были довольно смутными и малопривлекательными: она казалась неведомой варварской страной, грубым и варварским, соответственно, представлялся и ее на-

род. Однако рыцарь де Ланноа в своем сочинении дает русским несколько иную оценку. Настоящая статья посвящена исследованию образа русских в этом сочинении, выявлению особенностей и мотивов их восприятия фламандским путешественником. Для этого обратимся сначала к его биографии и истории появления его путевых заметок (подробнее см.: [2, с. 47–49; 3, р. 105–134; 4, р. 12–23]). Гильбер де Ланноа (1386–1462) был рыцарем из знатного рода Фландрии и Геннегау (современная Бельгия). Долгое время он служил графу Геннегау Гильому IV, а после его смерти (в 1417 г.) — бургундским герцогам Иоанну Бесстрашному и Филиппу Доброму. В качестве дипломата бургундских герцогов, а также паломника он посетил много стран Европы и Азии, был в Египте, Сирии, Палестине, Испании, Восточной Европе. Рыцарь три раза совершил паломничества в Святую землю, по два раза к св. Патрикию в Шотландию и к св. Якову Компостельскому в Испанию, в 1450 г. посетил Рим (по случаю празднования юбилейного года).

Вот как описывал его характер один русский исследователь конца XIX в.: «По характеру своему Гильбер де Ланноа представлял собой истый тип французского рыцаря: смелый, отважный... чрезвычайно подвижной, он любил смену впечатлений: ему не по душе было долго оставаться на одном и том же месте... Иногда же его любопытный, чисто французский характер, заставляет его посещать различные земли без всякой цели, только для того, чтобы видеть что-нибудь новое, *roug voir le monde*, как выражается он в одном месте своих мемуаров» [5].

Известно, что в 1410 г. Гильбер де Ланноа воевал в Испании с маврами и однажды воспользовался перемирием, чтобы посетить из любознательности мавританский Гранадский эмират. В 1413 г. он уже находился в Пруссии и Ливонии на службе у Ливонского ордена. Этот орден регулярно организовывал походы против язычников и «схизматиков» Восточной Европы, в которых принимали участие многие западноевропейские рыцари. Очевидно, де Ланноа уехал в Пруссию, чтобы стяжать себе славу рыцаря-крестоносца. Собираясь принять участие в одном из походов, который был на несколько месяцев отложен, рыцарь решил, не теряя времени даром, посетить соседнюю русскую страну, с которой часто воевал орден. Переодетый купцом, Гильбер де Ланноа покинул зимой Нарву и проник на Русь. Он приехал в Новгород Великий на санях и девять дней пробыл в этом городе. Новгородские власти приняли его очень гостеприимно, потчевали на славу, он свободно гулял по городу и наблюдал повседневную жизнь его жителей [2, с. 48]. После Новгорода Гильбер де Ланноа продолжил свое зимнее путешествие до Пскова. После короткого пребывания в этом городе он вернулся в Ливонию. Спустя несколько лет, в 1421 г., Гильбер де Ланноа еще раз побывал на Руси (проездом во вре-

мя посольства в Польшу), только теперь в юго-западных русских землях (Галиции и Подолии), находившихся под властью Польско-Литовского государства. Но сколько-нибудь подробного описания этих земель он в своих мемуарах, к сожалению, не оставил.

Мемуары о путешествиях рыцаря, по-видимому, написал в конце жизни. Язык мемуаров старофранцузский, с фламандскими влияниями, некоторыми орфографическими ошибками и разными написаниями слов, но он гораздо грамотнее и ближе к современному французскому и потому гораздо более удобочитаем, чем русские тексты того же времени. После смерти Гильбера в 1462 г. его капеллан собрал все заметки своего господина, чтобы представить их в форме одной книги. Одна из рукописей (ок. 1480 г.) находится сейчас в *Bibliothèque Royale Albert Ier* в Брюсселе (рукопись № 21.521–31), другая рукопись (первой половины XVI в.) в частной коллекции [2, с. 49, прим. 13]. Впервые записки рыцаря были частично изданы в Лондоне в 1827 г., по рукописи, поднесенной, согласно одной из версий, самим рыцарем английскому королю [6, с. 38]. Полностью сочинение было опубликовано в Бельгии в 1840 г. в количестве 100 экземпляров под заглавием «Путешествия и посольства» (*Voyages et ambassades*) [7]. После этого оно неоднократно переиздавалось (подробнее об изданиях см.: [2, с. 47, прим. 1]; лучшим является лувенское издание 1878 г. [8]), в том числе на русском языке (фрагментарно, в части русского логоса) [9, с. 17–35; 10, с. 433–465; 5, с. 17–46; 6, с. 38–47; 11, 545–549; 661–666; 12, с. 76–79; 13, с. 25–27]. Существует также значительное число исследований этого сочинения, в том числе русского топоса в нем [2; 14–23].

Переходя к анализу сочинения де Ланноа, следует сразу заметить, что описание русских городов Новгорода и Пскова является гораздо более пространным, чем описание других когда-либо посещенных им мест. Пожалуй, можно согласиться с мнением бельгийского исследователя С. Мунда, что «путешествие на Русь было особенно значительным в жизни Гильбера де Ланноа» [2, с. 49]. Он чувствовал себя в этих городах довольно вольготно: пользовался совершенной свободой передвижения (что в более поздние времена, когда эти земли вошли в состав Московского государства, трудно было себе представить). Поэтому он сумел познакомиться с обыденной жизнью жителей этих городов, и многое в ней привлекло его живой интерес: вид городов, особенности управления, население и его обычаи. Рыцарь был восхищен природой края — суровой зимой, в которую ему как раз довелось совершить свой вояж, бесконечными лесами и болотами, а еще гостеприимством, с которым принимали его городские власти.

По словам Ланноа, Великий Новгород (*la grant Noegarde*) находится на равнине посреди лесов и болот, на берегу реки Волхова (*Wolosco*), Псков

же (Plesco) построен на слиянии двух рек. Новгород и Псков показались ему удивительно большими городами [5, с. 23, 27; 8, р. 32, 36]. Как профессиональный военный де Ланноа подробно описывает крепости обоих городов, отмечая, что стены Новгорода плохие, «сделанные из плетня и земли», в отличие от Пскова, который укреплен каменными стенами [5, с. 24, 27; 8, р. 33, 36], а также вооруженные силы. Он говорит, что «вооруженные силы всех господ Новгорода Великого составляют 40 тысяч конницы и без числа пехоты; они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Ливонии, и одерживали в прошлом победы во многих больших сражениях» [12, с. 78].

Вот как описывает рыцарь особенности государственного устройства и религии Новгорода Великого: «Это — вольный город, он имеет общинное управление (*ville franche et seigneurie de commune*). Есть здесь епископ, который является как бы их владыкой. И держатся они, а равно все другие русские на Руси (*tous les autres Russes de la Russie*), которая весьма велика, христианского закона по их вере, такой же, как у греков. И внутри указанного города находится 350 церквей (по-видимому, в это число включены и частные часовни при жилых домах [2, с. 50, прим. 29]. — *В.К.*) И есть у них замок, расположенный на упомянутой реке, в нем возведена главная церковь Св. Софии, которую они почитают; и там резиденция упомянутого их епископа. В этом городе проживает много великих господ (*grans seigneurs*), именуемых ими боярами (*Bayares*). И там есть такой горожанин, на диво богатый и могущественный, который обладает земельными владениями в двести лье длиной. И русские Великой Руси (*grant Russie*) не имеют других господ, кроме этих, [выбираемых] в свой черед по воле общины... Они имеют двух магистратов: тысяцкого (*duc*) и посадника (буквально: бургграфа, *burchgrave*), которые являются правителями указанного города. Они сменяются ежегодно. И я посетил там епископа и указанных господ... [12, с. 77–78]. Любопытно, что в другой рукописной версии несколько иначе говорится о независимости Новгорода: «И нет у них другого короля и господина, кроме короля Московского (*roy de Moeusco*), государя Великой Руси, которого они, когда хотят, имеют [своим] господином, когда не хотят, не имеют» [12, с. 79, прим. 3]. Название «Великая Русь» (*la grant Russie*) Ланноа употребляет потому — здесь мы отчасти согласны с исследователем В. Емельяновым, — что «сам Новгород есть *la grant* (*Noegarde la grant*)» [5, с. 24, прим. 2], как бы перенося этот эпитет на всю северную, нелитовскую Русь.

Похоже, рыцарь остался очень доволен своим девятидневным пребыванием в Новгороде. Он с восторгом пишет, что епископ присылал ему «каждый день добрых 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом», а когда он посетил «вы-

шеупомянутых тысяцкого и посадника», они дали ему обед «самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных». Даже суровая русская зима не испугала лихого фламандца. Он описывает ее даже с некоторой долей романтики и, вероятно, гиперболизации: «В ту зиму было так холодно, что было бы занимательно рассказать о тамошних морозах... когда едешь лесом, слышно, как замерзшие деревья трескаются и раскалываются сверху донизу... И если ночью случалось спать в безлюдном месте, то утром мы находили бороду, брови и веки заиндевевшими от человеческого дыхания и все в льдинках, так что, проснувшись, с трудом удавалось открыть свои глаза. Я видел другое чудо, производимое холодом: как в глиняном горшке с водой и мясом, поставленном на огонь однажды утром на пустынном озере, вода кипела на одной стороне и превращалась в лед — на другой» [12, с. 78].

Интересны также наблюдения де Ланноа о внешнем виде жителей Новгорода и Пскова. Он отметил разницу в прическах горожан: в Новгороде мужчины и женщины, по его словам, отпускают очень длинные волосы и при этом «у женщин волосы заплетены в две косы, спускающиеся сзади на спину, у мужчин — в одну косу». Во Пскове русские «отпускают волосы длинные и беспорядочно лежащие на плечах. Женщины носят круглую диадему над головой, как святые» [12, с. 78; 2, с. 50] (ср.: [8, р. 34, 36–37]).

Из негативных впечатлений рыцаря стоит отметить рассказ про странный новгородский обычай, согласно которому жители города продают женщин на рынке: «И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договариваются, чтобы один возместил разницу в цене другому». Де Ланноа по этому поводу замечает: «Мы же, истинные христиане (*les francs crestiens*), не посмели бы этого делать никогда в жизни» [12, с. 78]. Некоторые историки оспаривают достоверность этого сообщения [2, с. 50, прим. 28; 12, с. 77].

Больше всего сведений в путевом дневнике содержится о Великом Новгороде. О Пскове сказано совсем немного, в частности, отмечается лучшее качество крепостных стен, как уже говорилось выше, и политическая зависимость Пскова от Московского княжества, в отличие от Новгорода (хотя и управляется он, тем не менее, самостоятельно). Относительно юго-западных русских земель, которые рыцарь проездом посетил в 1421 г., в дневнике содержатся только упоминания посещенных им городов, приемов и пиров. В числе городов названы Львов, Каменец-Подольский, вероятно, Кременец, а также Бельск и Сандомир (которые рыцарь относит к русским городам) [12, с. 78–79, прим. 12, 18]. Причем и в рассказе о путешествии по Литве опять упоминаются Новгород и Псков, которые во время его пребывания там присылали дары великому князю Литовскому Витовту.

Подводя итог сказанному, следует прежде всего отметить, что описания Руси рыцаря де Ланноа бесконечно ценны для историков: они представляют собой уникальное свидетельство стороннего наблюдателя о внешнем виде, жизни и быте населения русских средневековых городов. Не менее ценен этот источник и для имагологии, так как, по сути, он является первым более или менее подробным западноевропейским описанием русских. Что касается характера этого описания, то многие историки в целом признают его объективность [14, с. 52; 2, с. 50], хотя некоторые при этом отмечают, что нельзя ее преувеличивать, поскольку рыцарь «воспринимал Русь как представитель чужой культуры и цивилизации, не раз и не случайно противопоставляя „истинных христиан“, к которым относил и себя, „схизматикам“ — русским» [12, с. 77].

На наш взгляд, сочинение де Ланноа, конечно, является примером лояльного и в основном доброжелательного восприятия русских. В нем нет еще тех стереотипов о русской тирании, пьянстве и невежестве, которые не замедлят появиться спустя некоторое время, когда на арену истории выйдет Московское государство и поглотит в том числе и эти два русских города, так живо описанные рыцарем, вместе с их вольностями. Это еще образ как бы другой Руси. Более лояльное отношение этого западноевропейца к русским объясняется именно тем, что он посетил наиболее свободные русские земли с развитым са-

моуправлением, которые, по сути дела, являлись такими же свободными республиками, как некоторые передовые западноевропейские города. Этот факт в основном и был главным мотивом благоприятного восприятия, преобладания положительных оценок в описаниях де Ланноа.

Главным же препятствием к взаимопониманию и источником негативного восприятия оставался только религиозный фактор — разница в вероисповеданиях, которой в то время придавалось такое большое значение, что представители иной конфессии христианства взаимно воспринимались как лютые враги. В этом ничего удивительного нет. Важно то, что рыцарь де Ланноа, несмотря на свою большую религиозность и, следовательно, значительную роль религии в восприятии окружающего мира (он ведь даже участвовал в походах Ливонского ордена в качестве крестоносца), сумел во многом преодолеть ее и создать в своем сочинении в целом достаточно живой и очаровательный образ «Великой Руси» (как он ее часто называет). Пребывание на Руси произвело на рыцаря одно из самых сильных впечатлений в череде многочисленных путешествий — не случайно он и описал ее более подробно, чем какие-либо другие из посещенных им мест. Таким образом, сочинение де Ланноа имеет большую ценность для имагологии и истории нахождения взаимопонимания между народами.

Библиографический список

1. Козулин В.Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2016. — №2. DOI:10.14258/izvasu(2016)2-13.
2. Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах *Voyages et ambassades* рыцаря Гильбера де Ланноа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2002. — № 7.
3. Elewyck E. van. Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste du XVe siècle // *Revue de Belgique*. Т. 33 (1879).
4. Quarre-Reybourdon L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle // *Bulletin de la Société de Géographie descriptive historique de Lille*. Т. 14 (1890).
5. Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах / пер. и комм. В. Емельянова // Киевские университетские известия. — 1873. — № 8. — Отд. 2.
6. Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Ланноа // *Вестник западной России*. — 1867. — № 7.
7. *Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399–1450*. — Mons, 1840.
8. Potvin Ch., Houzeau J.-C. *Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. — Louvain, 1878.
9. Савельев П.С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланноа, в 1412–1414 годах // *Географические известия*. — 1850. — Январь–март.
10. Брун Ф.К. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланноа // *Записки Одесского общества истории и древностей*. — Одесса, 1853. — Т. III.
11. Новгород и Псков в начале XV в. (Гильбер де Ланноа). Литва и Украина в начале XV в. (по Гильберу де Ланноа) // *Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV века* / под ред. М. Н. Тихомирова. — М., 1960.
12. Великая Русь рыцаря де Ланноа / пер. О.Ф. Кудрявцева // *Родина*. — 2003. — № 12.
13. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV — нач. XX века / сост. Г.М. Коваленко. — М., 2005.
14. Каппелер А. Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в.) // *Источниковедение и краеведение в культуре России*. — М., 2000.
15. Bertrand A. *Guillebert de Lannoy (1386–1462). Ses «Voyages et Ambassades» en Europe de l'Est* // Publication

du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe–XVIe s.). Rencontres de Middelbourg — Bergen-op-Zoom (27 au 30 sept. 1990): «Les sources littéraires et leurs publics dans l'espace bourguignon (XIVe–XVIe s.). Neuchâtel, 1991. T. 31.

16. Bertrand A. Les «Voyages et Ambassades» de Guillebert de Lannoy (1399–1450). — Liège, 1987.

17. Bertrand A. Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est: Guillebert de Lannoy (1386–1462) // Le Moyen Âge. Revue d'histoire et de philologie. — T. 95. — 1989.

18. Halecki O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. — Vol. 2/2 (1944).

19. Holban M. Du caractère de l'ambassade de Ghillebert de Lannoy dans le nord et le sud-est de l'Europe en 1421 et de

quelques incidents de son voyage // Revue des études sud-est européennes. — T. 5 (1967).

20. Klimas P. Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. — N.-Y., 1945.

21. Mund S. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVe siècle // Hainaut et Tournais regards sur dix siècles d'histoire. Recueil d'études dédiées à la mémoire de Jacques Nazet (1944–1996). Brux., 2000.

22. Rebas H. Die Reise des Guillebert de Lannoy in den Ostseeraum 1413/14. Motive und Begleitumstände // Hansische Geschichtsblätter. — Bd. 101 (1983).

23. Soloviev A.V. Le voyage de messire de Lannoy dans les pays russes // Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. — Münch., 1966.